

Источники и литература

1. Степныгин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ин-т., 1962. 565 с.
2. Белорусы // Энциклопедия Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/ethnoses/belorusy/> (дата обращения: 15.08.2020).
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 15.08.2020).
4. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3. Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1902. 535 с.
5. Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцаания у белорусов: этнографический очерк. Москва: ИЦ «Слава!»; ООО «Форт-Профи», 2009. 160 с.
6. Федоров Р. Ю. Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 102–115.
7. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.
8. Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск: Сибполиграфтрест, 1929. 952 с.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 222. Оп. 1. Д. 31. Исповедные росписи Больше-Муртинской Михайло-Архангельской церкви за период с 1910–1915 гг.
10. ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 33. Книга брачных обысков Пророко-Ильинской церкви за период с 06.02.1898 по 26.10.1905.
11. Шинкевич Д. В. Переселенцы Беларуси. Люди и судьбы Лакино: исторический очерк. Ч. 1. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2017. 85 с.

УДК 94:39

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-80-84

Л. И. Шерстова

Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Инородческое население междуречья Бии и Катунь в XVII — начале XX вв.: этносоциальные трансформации

Аннотация. В статье рассматриваются этнокультурные процессы среди аборигенного населения междуречья Бии и Катунь в XVII — начале XX. Ставится проблема продолжения русского этногенеза за счет включения русифицированных аборигенных групп в состав этнографической группы русских — сибиряков. Особое внимание отводится влиянию аборигенной политики России, в частности, реализации в этом регионе в 1830-е гг. «Устава об управлении инородцев» на этносоциальные трансформации местного населения. **Ключевые слова:** сословие инородцев, инородные управы, русификация.

Традиционной темой сибирской этнографии являются вопросы этногенеза аборигенных народов. При этом основное внимание уделяется изучению тех этнических компонентов, из которых шел процесс формирования современных сибирских этносов. Между тем одновременно с процессами этнической консолидации в аборигенной среде широко были распространены процессы этнической аккультурации и ассимиляции, конечным итогом которых было, например, включение обрусевших местных этнических групп в состав русского этноса. Этот процесс во многом облегчался тем, что в основу социального устройства досоветской России был положен не национальный, а сословный признак, пребывание же в одном сословии представителей разных этносов усиливало процессы межэтнических коммуникации и приводило к сглаживанию этнокультурных различий. Однако из этого не следует вывод об абсолютно русификаторской направленности аборигенной политики России в Сибири, так как в результате принятия «Устава об управлении инородцев» в 1822 г. не только были сохранены ясачные волости периода начальной колонизации Сибири, получившие названия инородных управ или степных дум, но и созданы органы инородческого самоуправления для части

аборигенного населения, которое до этого не было структурировано в рамках российского социума. Это относится к многочисленному населению междуречья Бии и Катунь, которое вошло в разряд оседлых инородцев и получило свои органы самоуправления.

В ранний русский период колонизации предгорий Алтая сведения об аборигенном населении междуречья Бии и Катунь являются отрывочными и неполными. Более тесно в начале XVII в. русские контактировали с таежным населением верхнего и среднего течения Бии (предками современных кумандинцев, челканцев, тубаларов), преимущественно расселявшегося на правом ее берегу. Именно через их земли в 1646 г. прошли служилые люди и обьясачили население Мундусской, Тотошской (Тодошской) и Кезегелицкой волостей [1, с. 166]. Согласно «Чертежной книге» У. Ремезова, к концу XVII в. в верховьях Бии проживали кергеши, ниже их по течению — комяши, в районе впадения р. Лебедь в Бию — верхняя куманда, на левобережье Нени при ее впадении в Бию — нижняя куманда, в низовьях Катунь указаны тау-телеуты, а по левому берегу Бии — керсагалы [2, л. 4].

Как следует из русских документов начала XVII в., телеуты Абака, кочевавшие в верхнем Прио-

бие, поддерживали связи с прилегавшими к бассейну Наймы (Маймы) двумя волостями — Мундусской и Тотошской, которые могли быть осколками как части телеутов, выплеснувшихся из Центрального Алтая на рубеже XVI–XVII вв. вследствие миграции части торгутов с верховий Иртыша, так и крайними северными улусами потестарного объединения центрально-алтайских тюрков. Не случайно в русских документах XVII — начала XIX в. упоминается некая Тау-Телеутская волость севернее Семинского перевала, которая, возможно, сформировалась из мундусской, тотошской, найминской волостей. О связях мундусов и Телутской земли имеются сведения, содержащиеся в отписке И. Пушина о походе вверх по Оби в 1632 г. Следовавший с отрядом «мундусский мужик Тайталко» стал разговаривать с подъехавшими чужими всадниками «на языке белых колмаков и узнал белых колмаков Куранака, Изелбея и Илчидея» [1, с. 397]. Важно не столько то, что мундус Тайтал знал телеутский язык, сколько то, что, скорее всего, разговор шел на языке, родном и для мундусов, и для телеутов Абака.

Появление керсагалов на нижней Бии тесно связано с другой мощной миграцией из Тувы на рубеже XVI–XVII вв., что было следствием расширения владений Алтын-ханов. В русских документах имеются многочисленные свидетельства выплеска населения из Тувы в верхнее Приобье. В воеводской отписке за 1620 г. среди «немирных орд белых и черных калмыков и киргизских людей», грозящих войной Томску и Кузнецку, названы «кочюгуты» и «саянцы» [1, с. 258]. Еще раньше, в 1609 г., телеутский князь Абак погромил кужегутов, кочевавших вместе с ним, а в 1628 г. во время посольства Б. Карташева к Абаку в Большой улус произошел инцидент, когда князь орчаков Коксеж хотел убить русских послов [3, с. 39]. Напрашивается вывод о том, что улусы их располагались смежно с Большим Абаковым улусом или внутри него. Думается, что наряду с саянцами, орчаками, точами, кочугутами в низовьях Катуня осела еще одна группа выходцев из Тувы — керсагалы.

Они появляются около 1632 г. В 1643 г. они являлись серьезной силой: тогда, собравши около сотни воинов, керсагалы сумели не допустить к себе посланных из Кузнецка сборщиков ясака [4, с. 64]. В 1651 г., например, «государевы ясачные люди керсагалыцы» сообщили кузнецкому казаку Офоньке Попову, что «есть за Биею, вверх по Катуне реке, новые волости Саяны, Мугалы и Точи» [1, с. 534]. В 1652 г. «живущие по Катунь-реке верхние саянцы князец Ерунтей с товарищи «уплатили «семь пластин соболей» [4, с. 66]. Но на обратном пути сборщиков ясака встретил отряд сойонского князя Манзея, и служилые люди были разгромлены, взяты в плен и ограблены [3, с. 96]. Не исключено, что само название керсагалов произошло от имени сойонского князя Кер-Сагала и обозначало его улус. Тогда вполне допустимо, что именно керсагалы были «нижними соянцами», сведений о которых нет, но существование которых логически вытекает из присутствия, согласно русским до-

кументам, «верхних соянцев» в нижнем течении Чулышмана.

Важно, что среди современного населения Северного Алтая этноним «керсагал» совершенно неизвестен, и в списке североалтайских этносов ни он, ни какие-либо потомки этих людей не значатся, равно как нет и сведений о военных действиях против них в XVIII в. Этот факт может быть объяснен как миграцией части керсагалов за пределы Горного Алтая и Верхнего Приобья, так и их растворением среди других тюркоязычных групп левобережья Бии.

Таким образом, ойратская экспансия и саянская миграционная волна существенно изменили этническую ситуацию в междуречье Бии и Катуня. Подвижки центрально-азиатского и южно-сибирского населения в конце XVI — начале XVII в. привели к тому, что образно можно было бы назвать «эффектом домино». Монголы-хойты Алтын-ханов, заняв долинные земли Тувы, потеснили здешних тюрков. Те, двигаясь вдоль течения Чуи и Катуня оказались в нижнем течении последней. Часть из них — керсагалы — осели, но значительная часть саянцев ушла в верхнее Приобье, где кочевала вместе с телеутами Абака. В свою очередь, телеуты оказались там также вследствие миграции, но вызванной продвижением через Горный Алтай части торгоутов-ойратов, что и привело к их исходу из Центрального Алтая и вызвала оседание части центрально-алтайского населения в низовьях Катуня — тау-телеуты («мунлусские, тотошские, найманские люди»), сдвинув нижнюю куманду вверх по Бии. В первой половине XVIII в. местное население было двоedanцами, т. е. платило ясак в Москву, а алман Джунгарии.

С образованием русских поселений на правобережье Бии русские крестьяне постепенно проникали и на ее левый берег. Уже в 80-е гг. XVIII в. вольная крестьянская колонизация вышла за пределы официальной границы Российского государства, и не только в районе Бухтармы, но и в верховьях Оби. Так, крестьяне деревни Бехтемирской с момента ее основания в 1727 г. [5, с. 127] завели пашни на левом берегу Бии, хотя эта территория лежала вне сферы действия русской администрации, а местное население являлось двоedanцами. В сентябре 1749 г. Судная изба Бикатунской крепости получила строгое предписание о прекращении этой крестьянской инициативы. Попутно отмечалось, что бехтемирские крестьяне живут на полях за Бией «долговременно, якобы за страдную и пахотную работою» и торгуют с калмыками. В декабре того же года запрет был повторен под страхом смертной казни. Все же, несмотря на грозные документы, местные власти фактически не реагировали на самовольное продвижение крестьян к югу [6, с. 120].

В конце 1750-х гг. правительство организовало движение добровольных переселенцев в район Бийской крепости, и уже в 1758 г. 108 мужчин пожелали переселиться к Бийску — все из Енисейского уезда тогдашней Сибирской губернии [6, с. 120–121]. Но поток переселенцев в Бийский округ продолжался и

из Кузнецкого уезда. Русские деревни, основанные выходцами оттуда, появляются на Бии (Большая и Малая Угренева, Усяцкая и др.) [5, с. 73]. Таким образом, административное переустройство не успевало за переселениями крестьян, которые на какое-то время оказывались предоставленными сами себе, устанавливая прочные контакты с местными тюрками. Между Бией и Катунью, особенно в нижнем течении рек, успешно шли процессы русско-тюркской аккультурации и ассимиляции.

Можно констатировать, что особенностью социального устройства местного населения было то, что оно не было устойчивым. Это было связано, во-первых, с тем, что эта территория находилась на пересечении как путей миграций из Тувы и западной Монголии вдоль течения Катуня, так и дороги «из степи в горы», которая имела переправу на нижней Бии и вела вглубь алтайских гор; эти пути были достаточно оживленными на рубеже XVI–XVII в. Во-вторых, с последствиями джунгаро-китайской войны 1753–1756 гг., когда масса беглецов, стремившаяся спастись на Кольвано-Кузнецкой линии бросилась под защиту Бикатунской крепости, фортов и редутов вдоль правого берега Бии и расселялась в нижнем течении Бии и Катуня, усложнив этнический состав местного населения. И, наконец, в-третьих, с тем, что эта территория попала под постоянный контроль российской власти значительно позже, чем население верховий Бии, русские закрепились на ней к концу XVIII в. Русские власти слабо контролировали эту территорию, и поэтому здесь не были организованы устойчивые ясачные волости. Эта ситуация сохранялась до начала XIX в., т. е. до введения в 1822 г. «Указа об управлении инородцев», которая упорядочивала абorigенное население Сибири.

Между тем на территориях нижнего Катунско-Бийского бассейна уже в конце XVIII – начале XIX в. стали возникать едва ли не самые ранние земельные споры – споры между русскими и коренным населением. Претензии на хозяйственное освоение одной и той же ниши жизнеобеспечения – земледельческой – неизбежно обостряли межэтнические контакты, но до поры такое соперничество имело спорадический характер. 24 января 1817 г. бийский земский исправник доносил в Томское губернское правительство: «Из числа живущих в селе Быстряном разных волостей ясачных настоящими домами по-русски, Алексей Сафронов с товарищи просят о позволении им переселиться из Быстрянки на 25 верст от их селения, на устье реки Наймы, впадающей в Катунь, так как там места для хлебопашества и скотоводства выгодны. Напротив того, около Быстрянки *полному ныне заселению ясачных земли выпалишь*» (курсив мой. – Л. Ш.) [7, л. 577].

Но когда 9 ясачных семейств прибыли на устье Наймы, оказалось, что на этом месте уже начали селиться заводские крестьяне заимки Чаргазацкой «Алексей Заблоцкий с товарищи» и «построили довольно домов и распахали пашни». Житель с. Быстрянки Сафронов и его спутники, столкнувшись с

такой неожиданностью, обратились за помощью к начальству: «Он же... и прочие его товарищи, хотя имеют дома и пашни, но эти крестьяне, не допуская их, чинят хлебопашеских и в звероловстве совершенное притеснение, от чего они пришли в крайнее разорение, а потому просят (исправника. – Л. Ш.) от такого стеснения защитить их». Исправник обратился к управителям Горной Канцелярии Беглову и Сахарникову, и последний уведомил его, «что о непритеснении ясачного Сафронова с товарищи крестьянам деревни Чергазацкой Заблоцкому и прочим учинено строжайшее подтверждение».

В конце 1819 г. другой инородец жаловался на «стеснения» Заблоцкого – зайсан 1-й калмыцкой дючины Бакай Бекишев. Он донес Бийскому земскому суду, что «ведения его калмыки по реке Найме ловили рыбу и выдру, а ныне всего лишились, так как заводские крестьяне Алексей Заблоцкий с товарищи самовольно построили на реке Найме мукомольную мельницу, через которую не проходят ни рыба, ни выдра». Зайсан просил у суда «разрешения об уничтожении той мельницы». Все эти события были обстоятельно описаны в рапорте бийского земского исправника, направленном в Томск. Губернское правительство в 1820 г. обратилось в Канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства с просьбой о совместном расследовании «самовольных поступков крестьян заводских и пресечении оных, запретив тем крестьянам завладение мест, им не принадлежащих, и с виноватыми в самовольстве поступить по законам» [7, л. 57–579].

Эти обстоятельства, а также общее реформирование жизни сибирских народов в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» обострило вопрос сословного оформления обрусевших обитателей междуречья Бии и Катуня. Согласно второй части этого документа, которая называлась «Состав управления Сибирских инородцев» и которой определялись положение и сословная принадлежность той его части, которая проживала в русских поселениях или в непосредственной от них близости. Учитывая, что их образ жизни уже приобрел многие крестьянские черты, они, тем не менее, были записаны в сословие «инородцев» в разряд «оседлых». При определении управления оседлых инородцев учитывалось их расселение: если они жили «особыми деревнями», то выбирали сельских старост на общих правилах «о сих старостах в русских селениях». Если «число душ в селениях достаточно», то они «составляют особенную волость», и волостная управа в этом случае аналогична той, что действовала в крестьянских волостях. Если же селения не могут составить особой волости или инородцы не образуют особого селения, то их причисляют к русским деревням и русским волостям.

По данным губернских властей, в 1820 г. в Смоленской волости Бийского округа, территория которой охватывала и правый берег Катуня, насчитывалось 17 населенных пунктов. В 8 из них наряду с государственными крестьянами, отставниками и по-

селенцами жили «ясашные крещеные, занимающиеся земледелием». При общей численности населения 871 д. о. п. последние насчитывали 123 человека, т. е. 14% от всех поселян. В селениях соотношение русских и инородцев разнилось: в руде Бехтемирском было 11 казенных крестьян и 3 крещеных ясачных; в руде Николаевском соответственно, 15 и 7; в селе Енисейском – 14 и 15; в руде Новиковском жили 3 отставных, 30 казенных крестьян, 7 государственных крестьян и 3 ясачных; в селе Солтонском – 25 казенных крестьян и 14 ясачных. В рудатах Сайлапском и Сайдыпском и в деревне Усяцкой (соответственно 29, 35 и 17 д. о. п.) указаны лишь «ясашные крещеные».

Часть населения Верхне- и Нижне-Кумандинской волостей также были приписаны к оседлым инородцам, хотя сами волости определялись как «кочевые». Крещеные ясачные этих волостей проживали в деревне Березовке 69 д. о. п., в деревне Быстрянской – 204 д. о. п [8, л. 4–6] на правом берегу Катуня. Это были в основном переселенцы начала XIX в. из Кузнецкого округа в количестве 94 р. д., которые составили особый Кокшинский улус, причисленный к Верхне-Кумандинской волости [9, л. 300]. Это были уже крещеные телеуты, которые использовались Алтайской духовной миссией в качестве проводников православия и крестьянского образа жизни среди местного населения нижней Катуня. В результате реформирования значительная часть оседлых инородцев, проживавшая в русских поселениях, была перечислена в крестьянское сословие. Однако имелись и крупные населенные пункты, в которых инородцы проживали компактно, что, согласно «Уставу...», требовало формирования у них своих органов самоуправления.

В 1830 г. ситуация оставалась без изменений – оседлые инородцы по-прежнему не имели своих органов управления и проживали в селах и деревнях Смоленской волости. К этому времени были основаны Суртайка, Найминское, Кажа, Пильна, Улала [10, л. 73]. В 1834 г. они были выделены как самостоятельное административное образование под названием Кокшинской инородной управы [11, л. 62]. Приписанные к ней оседлые инородцы обитали в д. Иконниковой, Суртайском, Березовке, Быстрянке, Карагуже, Усть-Ненинской, Бардинской, Тайне, Солтоне, Пильне, и их общая численность составляла 1412 чел. [9, л. 300].

Несмотря на то, что значительная часть аборигенов уже была значительно русифицирована, следование инородческому законодательству выделило инородные управы, которые не базировались на ясачных волостях более раннего периода, а были организацией разнородного по своему происхождению населения междуречья Бии и Катуня. Оно оказалось столь многочисленным, что, несмотря на перечисление части русифицированных инородцев, живших в русских деревнях Смоленской волости в сословие крестьян и образование «Кокшинского улуса», в

1835 г. произошло выделение еще одной инородной управы оседлых инородцев – Быстрянской.

К концу XIX в. центром Кокшинской инородной управы стало село Березовка, и к ней будут причислены Старо-Суртайка, Ново-Суртайка, Верх-Карагуж, а население составит 542 человека. Центром Быстрянской инородной управы было с. Тарханское (д. Быстрянка), и к ней относились с. Майминское, Улалинское, Макарьевское, Билюля, Чапша, Балыкса общей численностью 445 человек. В это время активно обсуждался вопрос о ликвидации этих инородных управ, так как их население по образу жизни не отличалось от русских крестьян, ставился вопрос о приписке всех оседлых инородцев к Сростинской крестьянской волости.

По поводу этой группы аборигенов бийский земский исправник еще в 1849 г. заметил: «Инородцы – оседлые земледельцы, исповедуя православную веру, в семейном и домашнем быту ведут себя согласно русским коренным поселянам» [12, л. 425]. Получается, что выделение Ясачной комиссией в 1830-е гг. оседлых инородческих волостей в этой части обширного Бийского округа явилось в известном смысле шагом назад: на этих территориях слишком далеко зашли процессы русско-тюркской аккультурации.

В начале XX в. Быстрянская инородная управа насчитывала 2017 причисленных инородцев. Однако кроме них в 5 селах и 2 деревнях этой управы проживало 142 не причисленных инородца и 892 «лиц других сословий», т. е. крестьян и мещан русских деревень и г. Бийска. К Кокшинской инородной управе было причислено 897 инородцев, но в одном селе и трех деревнях обитало 6 не причисленных инородцев и 76 представителей крестьянского и мещанского сословий [7, л. 577].

Реорганизацию управления оседлых инородцев удалось провести только в начале XX в., но и тогда, несмотря на аграрную и административную реформу П. А. Столыпина, произошло только переименование инородных управ в волости. Однако тогда была ликвидирована Кокшинская инородная управа, а ее население было распределено между Быстрянской и образованной Улалинской волостями. В 1907 г. Быстрянскую волость составляли с. Быстрянка, а также деревни Березовка, Суртайская, Чепша, Пильна, Балыкса, в состав Улалинской входили с. Улалинское, деревни Верх-Карагуж, Майма, Билюля. Часть населения вошла в состав образованной Троицкой волости (д. Кажа, Старая и Новая Барда). Местное население в основном носило русские или русифицированные фамилии – Софронов, Козлов, Зяблицкий, Фоминский (с. Быстрянка), Тузиков, Вдовин, Табакаев, Зяблицкий (д. Березовка), Суртаев, Софронов, Чевалков, Параев (с. Улалинское), Языков, Зяблицкий, Милованов (д. Чепша), Бусов, Тузиков, Бедарев (д. Пильна), Соколов, Карпов, Суртаев, Табакаев (с. Майма) и т. д. [13, л. 114]. Показательно, что одинаковые фамилии имелись не только в разных деревнях, но и волостях, в том числе и крестьянских,

что свидетельствовало о далеко зашедших процессах смешения местного населения.

Между населением междуречья Бии и Катунь, с одной стороны, и русскими крестьянами, а также мещанами г. Бийска – с другой сложились тесные экономические отношения. В 1908 г. в с. Быстрянском располагалась мануфактурная лавка бийского мещанина Степана Сидорова, мануфактурные лавки имели крестьянин Сидоров и оседлый инородец Александр Козлов. Маслодельными заводами владели Николай Козлов, бийские мещанине М. Владимиров и С. Колесников. В селе находилось и «Товарищество братьев Бладовых», которое также занималось производством масла. В Новой Суртайке маслобойные заводы имели Ф. С. Суртаев и И. А. Суртаев. Лавки бийского мещанина А. Маркина и оседлого инородца Ф. Пьянкова располагались в д. Березовка. В этой же деревне водяную мельницу имел оседлый инородец И. Табакаев. В Чепше находились маслобойный завод бийского купца Козьмина и водяная мельница крестьянина Семенова. Оседлый инородец Г. Бусов имел свою лавку в д. Пильна. В д. Балыкса находились лавки, принадлежавшие оседлым инородцам М. Парфенову и Н. Чинчикееву, и кожевенные заводы оседлых инородцев П. Малышева, А. Полосухина, И. Сидорова [14, л. 127–130].

Таким образом, как и в более ранние периоды, население нижней Бии и Катунь постоянно пополнялось новыми поселенцами, становилось все более многочисленным и смешанным, вследствие чего протекавшие процессы русификации были бурными. Поэтому неудивительно, что к началу XX в. вопрос о ликвидации собственных органов управления оседлых инородцев, которые в культурном плане мало чем отличались от русских крестьян, и причисления их к крестьянским волостям становился достаточно актуальным.

К этому времени и по языку, и по образу жизни часть оседлых аборигенов сама отождествляла себя с русскими крестьянами. По данным 1897 г., 92,3% жителей Быстрянской управы считали своим родным языком русский. Во многих официальных доку-

ментах они значились русскими, но сословно «инородцами» [15, с. 155]. В наши дни их потомки помнят, что происходят «из ясадных», но никогда не называют своих предков «инородцами». Объяснение этому только одно: к моменту выделения Быстрянской волости (управы) из Смоленской ее разноэтничный контингент больше не ощущал себя «иным народом», «нерусскими», не противопоставлял себя живущим рядом крестьянам. Поначалу, хотя этническое самосознание быстрянцев скоро размылось, их пребывание в сословии инородцев так или иначе препятствовало полному самоотождествлению с русским этносом. Но стоило в начале XX в. нанести удар по правовым рамкам этого особого сословия, как быстрянцы дополнили собой ряды русских Алтая. Кокшинцы небезуспешно занимались торговлей и земледелием, скупкой кедрового ореха. Собственно алтайцы (калмыки) не видели разницы между ними и русскими, называя оседлых инородцев Кокшинской управы «богатыми русскими» [16, с. 203], т. е. уже в конце XIX в. относили обрусевших инородцев алтайских предгорий к русскому этносу.

Ликвидация сословного устройства Российской империи после Февральской революции одним из своих следствий имела и ликвидацию сословной принадлежности инородческого населения междуречья Бии и Катунь, которое органично перетекло в земледельческое население, пополнив собой численность русских крестьян региона.

L. I. Sherstova

Non-russian dwellers of Biya and Katun rivers interstream region in XVII – early XX century; ethnosocial transformations

Annotation. The article researches ethnocultural processes among non-Russian dwellers of Biya and Katun rivers interstream region in XVII – early XX century. The research poses the problem of continuing ethnogenesis of the Siberian Russians with inclusion of indigenous people into it. The influence of Russia's minority policy and specially realization of «Non-Russian Dwellers Governing Statute», to ethnosocial transformations is specially studied in the article. **Keywords:** *the non-Russian Estate, Non-Russian offices, russification.*

Источники и литература

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. Москва: Восточная литература. Т. 2. 2000. 796 с.
2. Ремезов С. Чертежная книга. Спб, 1882.
3. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980.
4. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII – середине XIX: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск: Горно-алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва. 1991. 256 с.
5. Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. 144 с.
6. Громько М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1965. 265 с.
7. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1217.
8. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 14.
9. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 29.
10. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 862.
11. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56.
12. ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10.
13. ГАТО. Ф. 461. Оп. 1. Д. .9.
14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3252
15. Батьянова Е. П. Общественный строй телеутов в XIX – начале XX в. // Материалы к серии «Народы и культуры». Москва: Изд-во ИЭА РАН. Вып. XVII. Кн. 1. 1992. С. 141–368.
16. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Барнаул. Т. 3. Вып. 1. 1900. 360 с.